

Виталий МОРОЗОВ

г. Петрозаводск

Накануне первого сентября в нашей деревне появилась новая учительница. Её прислали из облоно в школу-семилетку. Сразу после войны ещё жили сельские школы и потому жили деревни. Но настоящих учителей не было. Преподавали в семилетке недавние десятиклассницы — выпускницы средней школы, которую они окончили в райцентре перед самой войной. После того как прогнали немцев, райком комсомола призвал этих девушек на трёхмесячные педагогические курсы, которые существовали при учительском институте. Окончив их, девушки вернулись в родную деревню и стали преподавать. И всё равно учителей не хватало. Одной и той же учительнице приходилось вести уроки географии и немецкого языка, химии и Конституции СССР, математики и физкультуры. Они сами плоховато знали эти предметы, особенно математику. Часто путались на уроках, и тут возникали недоразумения. К примеру, учительница не могла решить какую-то задачу по арифметике. Тогда поднимал руку мой одноклассник Иван Беляев. Он выходил к доске, четко и в нужной последовательности делал необходимые вычисления и в итоге выводил мелом верный ответ. Учительница, как всегда, ставила ему оценку «отлично», а в это время в коридоре уже слышался спасительный звонок, извещавший

об окончании урока. Попавшая в неловкое положение, вся раскрасневшаяся от конфуза математичка убежала в учительскую и, говорят, там долго беззвучно рыдала. Бывало такое нечасто, но бывало.

И вот наконец-то в школе стала преподавать литературу и русский язык учительница с дипломом педучилища.

Мы, из-за войны, все в классе были переростками и уже поглядывали на девочек. А тут мальчишки нашего седьмого класса сразу обратили внимание на молоденькую учительницу – миловидную, с роскошными каштановыми волосами до плеч и большими карими глазами. Но особенно привлекли нас её формы. При среднем росте она отличалась тонкой талией, пышными бёдрами и чуть полноватым бюстом. Это всё подчеркивалось простыми недорогими нарядами, удачно сшитыми и подобранными со вкусом. Когда она надевала белоснежную батистовую кофточку и тёмно-синюю юбку покроя «солнце-клёш», то, говоря по-современному, её можно было снимать на обложку любого глянцевого журнала.

Звали учительницу Мария Прокопьевна. Председатель сельсовета определил её на постой в самую чистую просторную избу рядом со школой. Хозяйка дома – добрая, по-деревенски интеллигентная женщина, которую все звали тётя Наташа, – приняла её радушно и скоро полюбила как родную дочь.

И надо же было такому случиться, что той же осенью вернулся домой бравый парень Мишка Афоничев, отслужив в военно-морском флоте положенные четыре года. Высокий, стройный, в мундире из тонкого сукна, полосатой тельняшке с голубым матросским воротником и в широченных форменных брюках. Да ещё со множеством значков и знаков на груди и при погонах старшины второй статьи. Значками любовались все мальчишки, а сам он привлёк внимание деревенских девок на выданье. Да как тут не привлечь. И раньше, до действительной службы, он на гулянках да посиделках слыл лучшим гармонистом: неутомимым и особенно лихо, с переборами, исполнявшим любимый молодежный танец – «цыганочку с выходом». Мишка Афоничев

уже тогда считался первым парнем на деревне. А уж что стало после... Тут и говорить нечего.

На первой после армии гулянке он не произнёс ни звука, хотя пришёл заметно подшофе. И не уделял никакого внимания деревенским девочкам. На своей тальянке играл мало и не так залихватски, как раньше. Даже говорили, что, наверное, все четыре года не брал в руки гармони и вот, мол, разучился.

Однако дело было в другом. Как-то на улице, пару дней назад, он невзначай встретил новенькую учительницу и с первого взгляда был поражён, словно электрическим током. Надеялся, что она придёт на гульбище, а она не пришла.

Тут следует заметить, что в армию Мишку провожала другая учительница. Тоже Мария, но по отчеству Ильинична. Она сильно нравилась матери отбывающего на действительную службу солдата – тёте Оле (так звали её все в деревне). Как судачили деревенские кумушки, – будущей свекрови, которую девушка опекала все четыре года. А Мишку обещала ждать. И ждала, считая себя его невестой. Только теперь всё расстроилось – моряк каждый вечер проводил в доме новенькой.

В первые же дни начался раздор между ним и матерью.

– Чего это ты не заглядываешь к суженой, не зовешь нас навестить. Без тебя она чуть ли не каждый день ко мне приходила. То воды принесёт, то дров. А если занедужу, печку истопит. И корову не раз доила. Иногда у меня поясницу схватит прострел так, что ни согнуться, ни разогнуться. Маша всегда подсобит по хозяйству. Она всё умеет. Девка что надо. А ты морду в сторону городской воротить. Не к добру это.

– Она совсем не городская. Училась только в городе, а выросла в деревне. Что тут поделаешь, если полюбилась она мне. А эта Машка ещё до армии прилепилась да так и не отлипнет. Ты ж сама говорила, что насильно мил не будешь. А с Прокопьевной у нас любовь. Я её замуж звал, и она дала понять, что не против.

– Ишь какой шустрый! Всё успел обстригать тихой сапой. Даже мамке не сказал.

– Не сказал раньше, говорю сейчас. Я с братом Ванькой договорился: пока не работаю,

отделаем вторую половину нашей пятистенки. Он отпуск в леспромхозе возьмёт. До Рождества, говорит, успеем. А там после Крещения и свадьбу сыграем.

— Ловко у тебя выходит. Всё маракуешь сам, а мне говоришь теперь как уже о решенном деле. Даже не подумал, что я могу не согласиться, что не будет тебе моего материнского благошления.

— Я надеялся, что ты поймёшь и правильно рассудишь. Не пожелаешь зла родному сыну.

— Зла никогда никому не желала. А ты теперь меня опозорил на всю деревню. Люди считали Машу моей невесткой. Как теперь буду им в глаза глядеть?

— Я тут не виноватый. Это она вздумала меня захомутать и теперь по деревне разносит сплетни. Ничего я ей не обещал. А с Машенькой моей мы, кажется, обо всём договорились.

— Так, глядишь, она и меня из дому выживет.

— Никто тебя не тронет. Как жила в этой половине, так и будешь жить. А мы поселимся в другой, которую отделаем с Ванькой. Как наступят холода, надо будет подморозить мелкой картошки и к Рождеству нагнать побольше самогонки. Так, чтобы и на свадьбу хватило.

— Делай как знаешь. Мешать не буду. Только я тебе в этом не помощница и не советчица.

* * *

Дальше события разворачивались совсем не так, как хотелось бы Мишке. По старинной традиции он думал на свадьбу позвать всю деревню. Вторую половину дома привели полностью в жилой вид, так что места вполне хватало. Загвоздка оказалась в другом. Мать не соглашалась на звонкую свадьбу в собственном доме.

— Ты соберёшь тут всех людей, а я буду как оплёванная. Со стыда сгорю. Мне скажут: хорош сын — невесткой все считали одну, свою, деревенскую, а жениться вздумал на другой, пришедшей. Не могу я этого пережить. Так что не обессудь. В сельсовете вас распишут, а дальше как знаешь.

— Будем думать с Машей. Что-нибудь придумаем.

— Думайте. Но я по-другому свадьбу представляла. Как у батьки твоего покойного — Марка Алексеевича. Когда он меня брал, вся деревня пила-ела целую неделю. Самогонки было целых три ведра. Большого борова зарезали к свадьбе. Пока всё ни съели и ни выпили, не остановились. Бригадир колхозный гнал на работу палкой, грозился всех в тюрьму посадить за саботаж. А ему ковшик самогонки налили, выпил до последнего глотка и смилостивился. Только матюгнулся во всю глотку. С тех пор пошла гулять прибаутка: «Раз Марка женить!» Потом, если в каком доме устраивался большой пир по любому поводу, там обязательно приговаривали лихо: «Раз Марка женить!» Мол, пейте, гуляйте, люди добрые, пока стол не опустеет. Вот и я так хотела. Но — не судьба.

Молодые пришли в сельсовет одетые строго, но по-праздничному. Невеста — в новеньком «учительском» костюме, жених во флотском мундире с погонами и при всех значках. Председатель выдал им свидетельство о браке, куда красивым почерком секретаря были вписаны их имена и одинаковая теперь фамилия — Афоничевы. Тут же свидетельство было заверено собственноручной подписью должностного лица и гербовой печатью. Потом председатель и секретарь поздравили молодоженов и пожелали им благополучной жизни.

Не было тут ни белоснежного платья с фатой, ни вальса Мендельсона, ни шампанского. Никаких бюрократических проволочек и никаких атрибутов современного бракосочетания. Это была первая после войны свадьба в деревне, первая официальная церемония бракосочетания. Секретарю сельсовета пришлось завести специальную тетрадь регистрации браков. Тоненькую школьную тетрадку, которая потом почти вся так и осталась чистой.

А молодые супруги в тот же вечер договорились с тётёй Наташей, где квартировала учительница, что в ближайшее воскресенье отметят это событие скромным свадебным обедом.

В доме тётёи Наташи собрались учительницы, и пришёл брат Иван с женой Шурой. А другая Мария, Мария Ильинична, на свадьбу

не пришла, хотя тогда не думала, что затаённая боль и обида останутся на долгие годы.

К свадьбе особенно не готовились. Правда, Мишка по такому случаю зарезал молодую овцу-ярочку. Тётя Наташа накануне приготовила отменный холодец, а назавтра в русской печке — ведерный чугунок тушёной баранины с картошкой, обильно приправив всё это репчатым луком. Закуска получилась — лучше не придумаешь. И самогонки было припасено больше чем надо. Поэтому к концу затянувшейся трапезы братья изрядно перебрали. Особенно старший. Но и молодожёны — младший — выпивал до дна стопку за стопкой. Глядя на это, юная жена сперва насторожилась, а потом сильно растревожилась. Хотя тогда она не знала, что эта пагубная страсть мужа станет причиной постоянных семейных ссор.

Молодые поселились во второй половине дома, только что приведенной в жилой вид. Там сияли недавно застеклённые окна, медовым цветом блестел потолок, обитый сосновой вагонкой, стены радовали глаз светлыми обоями солнечного цвета с неброским рисунком в зеленоватых тонах, зеркальной чистотой поражал пол, только что выкрашенный светло-коричневой краской.

Но не было никакой мебели. Первое время спали на полу. Вместо супружеского ложа — холщовые матрасы, набитые соломой.

Постепенно на учительскую зарплату приобрели самое необходимое: стол, стулья, широкую двуспальную кровать. Маша, с присущим ей вкусом, сумела удобно и вполне погородскому обставить своё жилище. Всё приходило в норму. По старинной деревенской традиции невестка с первого дня стала называться свекровь мамой. Однако ладу в доме не было.

* * *

Год спустя, во время летних каникул, свекровь и невестка косили траву. Надо было обеспечить сеном корову — главную кормилицу селян. Для частных подворий колхоз не вы-

делял сенокосных угодий. Поэтому женщины косили по косограм и буеракам. Вблизи дома обкашивали любой прогалак между кустов. Иногда попадались хоть небольшие, но вполне пригодные площадки. На одной из таких площадок свекровь обратила внимание, как ловко и размашисто косит невестка.

— Где и когда ты так хорошо научилась косить?

— Дома, в деревне, всегда держали корову и к заготовке сена ребягню привлекали с детства. У нас в Витебской области были хорошие гладкие пожни. Отец вернулся с войны весь израненный, но на ногах. Он, бывало, косу отобьёт и направит, чтобы резала как бритва, покажет, какой ширины надо гнать прокос, как держать косовьё. Я ещё девчонкой нормально косила.

— А мне казалось, что ты белоручка, как все городские.

— Зря ты так думала. Я всё умею делать. Жизнь заставила.

Маша только недавно, на учительском совещании по итогам года, узнала, что приказом по району назначена директором школы. Тогда же ей настойчиво порекомендовали поступить на заочное отделение учительского института. Получив за лето уже директорскую зарплату, она готовилась во второй половине августа поехать в областной центр, чтобы сдать вступительные экзамены на литературный факультет. И вряд ли ей могло прийти в голову, что ещё до этого придётся выдержать несколько экзаменов дома.

Они со свекровью не только косили, но и на своих плечах таскали ещё влажное сено домой. В обширном дворе его досушивали и потом складывали в сарай.

После очередной ходки свекровь скинула с плеч ношу и вдруг на весь двор заохала-запричитала:

— Боженька мой! Спаси и сохрани! Всю спину свело, скрючило. Корова теперь останется неподоенная. Молоко пропадёт.

— Не причитай ты, пожалуйста. Иди ложись. Подою я корову. И всё остальное, что надо, сделаю.

Поднявшись с рассветом, Маша подоила корову и проводила её до общего стада, наносила вёдрами воды из колодца, набрала сухих дров, разожгла огонь в русской печке, а потом топила её, пока не сварится суп в большом чугуне и перловая каша в чугунке поменьше.

Получилось работы на целый день. Когда это всё делала свекровь, вроде и не было заметно, сколько тут забот и хлопот. У самой первое время так ловко не выходило. Однако скоро втянулась, стало немного легче, и, главное, она почувствовала себя увереннее. Ощущения, что она хозяйка в доме, не пришло, зато исчезла робость.

А свекровь, как оказалось, внимательно следила за каждым её движением, за каждым действием. Когда Маша это поняла, у неё возникло сомнение: а не прикидывается ли свекровь больной? Она стыдилась такого своего подозрения, не хотела брать грех на душу, но ничего не могла с собой поделать. Особенно после того, как, неожиданно вернувшись с покоса, увидела свекровь с двумя вёдрами воды на коромысле. «Слава богу,— подумала Маша, — значит, не так всё страшно. Теперь можно спокойно ехать в институт». А свекрови сказала:

— Чего ты надрываешься? Я немного отдохну, натаскаю воды и затоплю баню. Сегодня, небось, Мишка пораньше придёт. Надо будет его отмыть и выстирать заскорузлую от пота рабочую одежду.

— Воды я уже наносила целый котёл. Ты теперь возьми сухих березовых дров и сразу затопи. Мишка любит попариться с устатку.

Работал Мишка вальщиком леса. После войны лес нужен был и стройкам — на восстановление разрушенных городов, и шахтам в разных районах страны. В города шла строевая древесина — мачтовые сосны, которые еще водились на обширных борах недалеко от лесовозных дорог. В шахты шла другая древесина — так называемая рудстойка, обычно еловый мелкомер.

Тогда ещё не было бензопил. Но и двуручные пилы отошли в прошлое. Главным орудием производства в лесу после войны стали пилы-

лучковки, пришедшие к нам из Канады. Они рассчитаны на одного человека. Тонким лезвием пила быстро вгрызалась в древесину. Она меньше давала опилок, и работать такой пилой при хорошем умении было гораздо легче. Мишка скоро освоил новый инструмент. Научился не только хорошо пилить, но и при отсутствии пилостава сам точил новеньким ромбическим напильником сдвоенные и одинарные стальные зубья. Конечно, уставал. Зато хорошо платили. Кроме того, в магазине ОРСа леспромхоза рабочим-лесорубам давали без карточек все необходимые продукты: черный и белый хлеб, сахар, чай, конфеты, разные крупы и папиросы «Звёздочка». Там же можно было заказать велосипед с никелированными ободами, шевиотовый костюм или хромовые ботинки на толстой микропористой резине.

Молодая семья стала жить в достатке, но доброго мира в доме по-прежнему не хватало. Свекровь недолюбливала невестку, а когда та уезжала в район по какой-либо школьной надобности, тётю Олю приходила навещать другая Мария. Они подолгу сидели вместе — разговаривали о несбывшихся мечтах и планах. Иногда разговор прерывался всхлипыванием то одной, то другой. Поплачут — и вроде становится легче. Расставались долго и тяжело. Опять со слезами.

Маша, узнав об этих встречах, поначалу всерьёз расстраивалась. Хотя не теряла надежды, что со временем свекровь сменит гнев на милость. Однако время шло, а ничего не менялось. Вдобавок Мишка стал пить ещё больше. Заработок позволял. И на складах орсовского магазина появилась бочковая водка, которую продавали в розлив. Маша не на шутку обеспокоилась. Она тогда не подозревала, что так придётся прожить до самой старости.

* * *

Пшли и шли годы. Ольга Евстигнеевна и представить не могла, что ей доведётся пережить деревню. Но судьба распорядилась именно так. Сперва ликвидировали школу-семилетку, а следом постепенно сгнуло всё ос-

тальное. Наиболее опытных учителей перевели на работу в районный центр. Перед началом очередного учебного года Маша получила квартиру, и они приехали на школьной машине, чтобы перевезти мать. Ей была выделена вполне приличная комната.

— Давай будем потихоньку собираться, чтобы не томить водителя в ожидании, — спокойно начала разговор Маша.

— Куда это ты меня? Неужто в богадельню? — с возмущением и вызовом спросила свекровь.

— Нам дали квартиру. У тебя будет отдельная комната. И мы рядом. Коли занедужишь, всегда присмотрим и доктора позовём, если понадобится. А тут, считай, никого не осталось. Случись что, помочь некому. Так что давай собирайся. Машина долго ждать не может, — это уже сын строго, но заботливо говорит матери.

— Не надо мне никакой машины. Никуда я из своего дома не поеду. Тут родилась, тут и помирать буду.

Сказала как отрезала.

Так Ольга Евстигнеевна осталась в своём доме. И зиму пережила, и лето. Но к осени стала часто хворать. Она и не заметила, как к ней подкралась старость. Почувствовала это, когда перевалило за восемь десятков. Стала плохо ходить, плохо видеть.

Сын пытался объяснить матери, что придёт время, когда она ничего не сумеет делать по дому. Тогда всё равно придётся переезжать. Однако мать и слушать не хотела.

— Пока мало-мальски ползаю тут, никуда не поеду. Когда совсем занедужу да слягу, тогда ваша воля. Делайте как знаете. А пока на ногах, буду жить в своём доме. Только посмотрите, чтобы дров сухих хватило на зиму. Еды сварю. Мне немного и надо. Если что понадобится, докуплю в автолавке. Вы поезжайте с богом. Небось по выходным появитесь проводить. Тогда, коли что потребуется, я скажу.

Время шло. Свекрови становилось хуже. Когда сын с невесткой приехали в очередной раз, она уже не могла подняться с постели.

Теперь её не стали уговаривать. Невестка малость схитрила. На вопрос про новую квартиру она ответила просто:

— Живём мы в доме на две половины. В каждую отдельный вход с высоким крыльцом. За стенкой у нас тоже учителя. Обожаемая тобой Мария Ильинична со своей семьёй.

— Машенька там! — свекровь вся встрепенулась, даже улыбка мелькнула на сморщенном старческом лице. Как будто среди хмурых тяжёлых туч на небе неожиданно выглянуло солнце.

На новом месте Ольга Евстигнеевна приживалась с трудом. Но как только вспоминала, что за стенкой Машенька, — становилось легче. У неё появилась радость в жизни.

Понимая, что радоваться осталось недолго, пользовалась каждым подходящим случаем. Как только невестка уходила на работу, она стучала в стенку. И, притаившись, ждала. Старалась не пропустить ни единого шороха. Скоро распахивалась дверь и в комнату старой женщины вбегала улыбающаяся Мария Ильинична, Машенька. Всегда с каким-нибудь вкусным гостинцем. То принесёт ещё горячих оладышков, то стакан тёплого молока с мёдом, то брусничного либо клюквенного морса. Но не гостинцев ждала от неё тётя Оля, чувствуя, что доживает, может, свои последние дни. Она хотела от души поговорить с человеком, которому доверяла, которого обожала всю жизнь.

— Сядь ко мне на кровать и расскажи про свою жизнь на новом месте. Домой в деревню не хочется вернуться?

— Там теперь и возвращаться некуда. Считай от деревни ничего не осталось. Как школу закрыли, так всё пошло в тартарары. В деревне живут несколько старушек пенсионерок и больше никого нет. А тут у меня работа, заработок вполне приличный, есть где жить. Бога гневить не надо, пока всё идёт ладно. А тебе, видно, тяжело привыкать тут.

— Я не хотела ехать. Помирать в своём доме собиралась. Когда невестка сказала, что ты будешь тут рядом, — согласилась.

Тётя Оля вздрогнула как в лихорадке и тихонечко заплакала. Мария Ильинична взяла её

за руку, другой ласково погладила по лицу, по прядям редких седых волос на голове и, растрогавшись, сама прослезилась.

Так они просидели долго, не замечая времени. Напоследок любимая соседка накормила болящую манной кашей с домашним черничным вареньем, напоила свежим чаем с мятой, и тётя Оля задремала. Гостя, глянув на маленькие наручные часики, осторожно поднялась. Ей оставалось времени только на то, чтобы торопливо собраться и успеть на уроки во вторую смену.

Потом такие посещения стали постоянными. Привычными. Прикованная к постели женщина ждала не невестку с работы, а свою давнюю любовь — соседку. И так до самой кончины. Хотя невестка добросовестно обихаживала почти недвижимую свекровь, мыла её теплой водой, убирала горшки, переодевала в чистое бельё. Но всё это вроде бы не замечалось. Умиравшая женщина душой и сердцем была с другой.

Воистину неведомы людские судьбы.

Тот скорбный день пришёлся на воскресенье. Маша с утра, как обычно, пыталась напоить свекровь чаем. Та сделала несколько глотков и опять рухнула в постель. За последние два дня ни разу не поела, а теперь отказалась пить.

Забывшись на несколько минут в тяжёлом сне, свекровь очнулась вроде как от испуга.

— Мм-а-ша, — простонала она, — позови Мишку, сына моего позови!

Мишка во дворе готовился затопить баню. Когда услышал, что его зовёт мать, сразу подумал неладное. Как был в сапогах и рабочей куртке, усыпанной опилками, так и поспешил к её постели.

— Миша, сынок мой, помираю я. Позови соседку. Надо попрощаться.

Мария Ильинична бросила все дела и без стука вошла в квартиру. На секунду остановившись в нерешительности, она без единого слова прошла в комнату умирающей и, как обычно, села к ней на крайчик кровати. Тётя Оля открыла глаза, и слабая горестная улыбка промелькнула на её лице.

— Машенька! Помираю я...

После таких слов она осторожно взяла руку женщины, о которой всю жизнь мечтала как о своей невестке. Из последних сил сжала эту руку и затихла. Мария Ильинична тут же заметила, что рука постепенно обмякла и повисла недвижимо. Поняв, что всё кончилось, соседка встала с кровати, прикрыла усопшей глаза, положила её руки, скрестив на груди, и неслышно вышла во двор. Там увидела Михаила. Сообщила ему о постигшей беде и пообещала помощь в похоронных делах.

Прошли похороны и поминальные дни, положенные по традициям русской православной церкви. Стала забываться тягостная обстановка ритуальных событий. И только невестка, оставшись теперь одна, без свекрови, изо дня в день мысленно перебирала их долгую совместную жизнь. Она вспоминала, что со свекровью научилась ладить. Что у них никогда не было ни одного крупного скандала. Невестка шадилла пожилую женщину. Не спорила с ней по мелочам. Даже если чувствовала, что та не права. Со временем она научилась молчать, когда надо было резко ответить на очередную обиду. Только её терпение, такт и, наверное, врожденная привычка почитать старших позволили двум глубоко чуждым друг другу людям мирно прожить вместе многие годы.

Невестка отличалась твердым характером. А ещё здравым умом, который помог ей всю силу воли употребить на то, чтобы в доме не было скандалов. Если в школе, на заседаниях педсовета, Мария Прокопьевна, как говорили, резала правду-матку в глаза, невзирая на лица, иногда запальчиво, всегда страстно, то дома она старалась быть тише воды ниже травы. Даже с мужем бранилась полупшепотом где-нибудь в закутке, чтобы этого не видела и не слышала свекровь. Она всё сделала для того, чтобы отношения со свекровью были если не добросердечными, то добрыми. Свекровь, видимо, это чувствовала и к глубокой старости стала гораздо покладистой.

Анализируя свои взаимоотношения со свекровью, невестка так и не могла найти ответа на главный вопрос.

Маша знала, что её никто не упрекнёт за плохое отношение к свекрови. Ведь благодаря и её стараниям та прожила больше девяноста лет. Невестка понимала природу давней взаимной неприязни и если не оправдывала это, то относилась терпимо. Но был один вопрос, одна загвоздка, которая осталась непостижима её уму.

Возвращаясь к давним временам, Маша вполне осознала, что тёплых, душевных, матерински-дочерних отношений между ею и свекровью быть не могло. С годами невестка стала к этому относиться спокойно и не переживать, как на первых порах. Так бы, может, она спокойно и проводила свекровь в последний путь. Даже узнав о частых посещениях соседки, Маша не особенно расстроилась.

Однако она думала, что каждый человек, почуввав скорую кончину, зовёт к себе самых близких людей. И кается перед ними, просит прощения за доставленные обиды. Но тут умирающая, понимая, что приходит конец, позвала соседку. Не сына, не невестку, а соседку – Марию Ильиничну. По сути, чужую женщину. Неужели она была для умирающей самым близким человеком?

Эта загадка так и осталась для всех неразгаданной. Понять последнюю волю усопшей не смогли ни невестка, ни сын.

Минули годы. Успела состариться сама невестка. Однако, рассказывая эту историю, она так и не нашла ответа на главный вопрос: почему даже в предсмертный час не случилось покаяния; почему, прожив больше девяноста лет, свекровь так и ушла на вечный покой с неприязнью к родным и близким. Неужели это гордыня возобладала над разумом?

А может, и правду говорили про неё в деревне: «Хоть молилась перед иконами, но в душе жила без Бога».

Виталий Васильевич МОРОЗОВ –

прозаик, поэт.

Родился в 1932 г.

на хуторе Алешня Торопецкого р-на Тверской области.

Окончил Карело-Финский государственный университет,

по специальности «инженер-геолог-разведчик»,

более 45 лет проработал в геологических экспедициях.

Автор четырех книг: «Так и было» (2006),

«Мой университет» (2008), «Мои экспедиции» (2011),

«Житейские истории» (2013).

Печатался в карельских и российских периодических изданиях.

В «Севере» публикуется с 1995 года.

Член Союза российских писателей.

Живет в Петрозаводске.

